

Сергей НОСОВ

г. Санкт-Петербург

У каждого большого художника слова и у каждого большого мыслителя, у каждого настоящего творца и в известном смысле у каждого человека вообще есть своя заветная идея, пронизывающая не только все его творчество, но и все его существование, всю его жизнь как личности.

Эта заветная идея-переживание, выражающая самую сущность человека, – то скрыта, то явно присутствует во всем им созданном и одуотворяет собой всю его жизнь.

У Ницше – это безграничная сила и свобода, не знающая преград...

У Достоевского – это всепоглощающее и «болезненное» чувство жестокости мира, приносящее и муки, и наслаждение (да, и наслаждение!) одновременно...

У Гоголя – мир страшного колдовского смеха, в который затягиваются люди и жизнь неумолимо и властно, мир «смешных чудовищ», похожих, конечно же, на одновременно реалистических и фантастических героев «Мертвых душ»...

У Пушкина – простая и таинственная незамут-

ненная радость жизни, в которой все прекрасно, даже боль, слезы и нестерпимые муки...

И так у каждого настоящего художника и у каждого большого творца...

У них у всех есть непременно «стержень» творчества, вокруг которого кружится все ими созданное. И этот «стержень» на самом деле обычно очень прост и ясен. Только его надо разгадать.

Потому, казалось бы, большой художник мог бы и не писать так уж много незабываемых произведений, а сказать честно всего несколько своих «главных слов» – и все было бы с ним понятно. С ним самим и с его вкладом в копилку мировой и национальной культуры.

Собственно это и имел в виду прямой и пророчливый Бердяев, когда писал о Владимире Соловьеве, что в своих больших трудах Соловьев себя не раскрывал, а прикрывал, и что искать настоящего Соловьева надо в маленьких его эссе, заметках и на вид случайных статьях...

О том же писал и Розанов в отношении Соловьева.

Но Владимир Соловьев – это откровенный случай, когда большие труды философа и мыслителя, если называть вещи своими именами, – глубоко неискренни и потому лишены духовной подлинности.

А есть в мире творчества и много «промежуточных», так сказать, ситуаций, когда все намного сложнее.

Вместе с тем во всем, что являет нам жизнь людей и общества, есть непременно какое-то неотрицаемое духовное «дно», к которому сводятся все проявления жизни человека и его души и все его творческие взлеты...

Вспомним для примера творчество Блока... Это апофеоз «буйного ветра» жизни и безумно красивой «гибели». Весь Блок как личность и как великий Поэт России укладывается в это.

И «гибель России» Блок, в конце концов, и воспел в страшной и чарующей одновременно, захватывающей и гнетущей кровавым торжеством «гибели и свободы» поэме «Двенадцать» – достойном финале великого и отчаянного на самом деле творчества Блока-поэта.

Конечно, если бы каждый из больших художников и мыслителей-философов сказал бы одно только свое «заветное слово» – кто бы ему поверил, кто бы его услышал...

Художнику и мыслителю приходится писать много и писать порой долго и трудно, чтобы заставить себя слушать, чтобы его заветные идеи увидели и поняли люди.

Совсем другое мы видим в мире социальном, в мире общественного устройства и тех людей, которые многое в нем определяют по своему положению в обществе – эти люди себя и свою сущность, свои «заветные идеи» всегда скрывают, держат «под замком» и таят...

Хотя ими всегда, на самом деле, всегда, скрыто руководствуются и их именно в реальности и воплощают в жизнь общества....

Так весь Сталин – это власть без границ и без любых представлений о справедливости морали и совести...

Сталин – это олицетворение власти «как таковой», власти над всем, что есть в мире, – над настоящим, прошлым и будущим... Над людьми, над природой, потенциально и над всем Космосом и Вселенной. Надо всем простирается или хочет простирается власть, власть, власть...

Ленин – это прежде всего ненависть к прошлому... К любому прошлому.

Счастливое будущее, и только будущее – это идол Ленина.

Причем это будущее Ленин хотел создать по каким-то бесконечно примитивным схемам и бухгалтерским расчетам (вспомним убогие поздние статейки Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и пр.).

Лидер СССР в последние десятилетия его существования Леонид Брежнев – это своего рода «поэт самозабвенного безделья», Обломов «на троне», забывший обо всем, кроме нехитрых своих будничных земных радостей и удовольствий...

Когда человек живет на свете, он совершает множество разных поступков и его окружает множество разных событий.

Но во всем этом – в любых его затрагивающих событиях и в любых его поступках – всегда просвечивает сущность человека, будь он гением или заурядным обывателем.

Мне доводилось, например, нередко встречать людей, человеческой сущностью которых являлось безграничное хвастовство и самодовольство – каждое их слово и каждый их поступок с детства до глубокой старости буквально дышали безудержным хвастовством и самодовольством.

И что интересно – окружающие их люди этой бушующей стихии хвастовства и самодовольства обычно бессознательно покорялись...

Человек в жизни создает вокруг себя своего рода энергетический поток – поток добра, поток зла... поток бушующей страсти... или поток бескорыстной нежной любви...

Вот Сергей Есенин – «московский хулиган» в последние годы своей жизни – это Человек-Любовь, не нашедший приюта в «стране бушующих революций». И поэтому погибший...

Лучше Есенина писать о любви – к женщине, к родине, к жизни вообще – никто в России не умел и не умеет до сих пор.

Гений Любви.

Да, это так. Потому и любит Есенина русский народ безумно до сих пор – ведь никогда в России на самом деле настоящей Любви никому не хватало.

Можно много писать, можно много говорить. Это привлекает внимание окружающих людей и общества.

Ну вот сколько написал Александр Дюма – 193 тома, кажется...

А что мы помним из им написанного и что по настоящему любим? – «Три мушкетера»...

Грибоедов написал всего одну замечательную «комедию» – «Горе от ума». А после Пушкина он

– второй гений этой славной эпохи нашей русской литературы и культуры, чтимый, и чтимый до сих пор. И заслуженно!

Наш всеми уважаемый в недавнем прошлом, да и ныне, академик Д.С. Лихачев, рядом с которым и мне довелось тридцать лет трудиться как его младшему товарищу в Пушкинском Доме Российской Академии наук, мог бы и не писать бесчисленных своих статей об охране памятников культуры в поздние годы своей долгой жизни.

Дмитрий Сергеевич и сам был «живой памятью» о прошлом России. И великой Памятью при этом.

И не надо думать, что «заветные идеи» творцов культуры – это некие их «роли» в обществе. Отнюдь нет.

Это их сущности. И не только на уровне психики и чувств.

Скажем, эпоха «шестидесятников» в СССР – времен конца 1950-х и начала 1960-х годов, времен Хрущева – это эпоха наивных общественных надежд и пустой при всем своем «чисто-сердечии» восторженной болтовни о грядущем коммунизме.

И, конечно, провозвестники этой эпохи – Вознесенский и Евтушенко...

Криклым и трусливым одновременно «шестидесятникам» к 1970-м годам успешно заткнули рот – и восторжествовала, как и следовало ожидать, «поэзия мещанства».

Все стали мещанами, сидящими «в своем углу». Ведь мещанство неистребимо.

Оно торжествует на любых развалинах – культуры, личной жизни, поэзии, справедливости...

Суть мещанства – погружение в маленький мирок «личного счастья», при котором весь большой окружающий мир теряет какой-либо смысл и значение.

Так вот, нам в России такого уродливого личного счастья – не нужно.

Мы обойдемся той реальностью, которая исторически сложилась в нашей стране, и не будем ее презирать и ненавидеть, какой бы несовершенной она ни была или ни казалась.

Россия – великая страна. И страна великой культуры.

Лично я прожил в России всю свою жизнь и не жалею об этом – великая страна, каких мало на свете...

В «Войне и мире» Льва Толстого князь Андрей Болконский, по словам писателя, думал по-французски...

Многие помнят эти слова Толстого.

Они невольно обращают на себя внимание и запоминаются.

Ведь мы обычно не задумываемся о том, на каком языке мы думаем. А думаем мы именно на каком-то языке. Обычно самом для нас родном и привычном.

– Как же так? – могут спросить многие, – неужели князь Андрей Болконский не был русским человеком? Истинно русским по складу характера, образу жизни, воспитанию, идеалам своим и стремлениям?

Был, конечно! Речь идет в данном случае у Толстого не о национальном менталитете, а именно о языке, с которым как бы срастается мысль человека.

Конечно, язык и менталитет тесно взаимосвязаны обычно. Но все-таки это далеко не одно и то же.

Человек с детства привыкает мыслить, опираясь на слова, на свою речь, и практически всегда использует слова, речь и ее обороты, когда думает. Даже если вслух при этом ничего и не говорит.

Это важно осознать не только для осмысления процесса мышления и особенностей сознания человека – это важно понять и для того, чтобы осознать, что такое Слово в жизни человека.

Почему было сказано в Библии, что в начале было Слово? Как мысль и чувства человека могут отразиться и воплотиться в Слове? И, наконец, как осознать, что же такое, по истокам своим и значению в жизни человеческой, словесное творчество?

Что такое Поэзия и Литература по своей экзистенциальной природе?

Не побоимся и максималистского утверждения

– без языка, без слов человек – НИЧТО. Собственно человеческое в нем в таком случае исчезает.

Пишут, что телепатия, например, часто обходится без слов – что это некая передача образов на расстоянии посредством неизвестных нам энергий, природа которых пока не установлена.

Возможно, так и есть.

Но любой образ – своего рода картинка, которая сделана из определенного энергетического и «физически реального» материала. Если мы этот образ видим перед собой, если он передается на расстояние и «приходит к нам», появляется перед нашими глазами или в нашем сознании, значит, он так или иначе реально существует и из чего-то состоит.

И этот образ может состоять на самом деле и из слов...

Он может быть воплощен в слова. Только слова эти оживают в сознании человека, как бы материализуются и превращаются «в плоть» реальной жизни.

Этим и жива настоящая Поэзия и настоящая Литература на самом деле.

Она создает словесные образы, которые по своей осязаемости не только сродни живописным образам, но нередко и превосходят их по степени близости к реальной жизни, к осязаемой правде материального бытия.

Такой вывод может показаться парадоксальным – ведь слова есть только условные знаки, состоящие обычно из букв (если это не иероглифы, конечно).

Но – лишь на первый взгляд.

Слово с самых ранних лет жизни любого человека как бы врастает в его сознание.

И даже если слова неточны, не точно и, казалось бы, порой двусмысленно выражают мысль или чувство – они все равно, на экзистенциальном уровне, ясны, если не вырывать их из контекста и знать, кем именно, когда и почему они были сказаны.

Потому что слова – больше чем просто слова на самом деле...

Когда человек их произносит серьезно, слова во многих случаях как бы материализуются и способны властно воздействовать и на других людей, и на окружающую реальность в целом.

Слова, или, лучше сказать, Слово – потенциально обладает несомненным демиургическим энергетическим зарядом.

Слово преобразовывает реальность. Пусть иногда потаенно, но нередко очень и очень действенно. И в высшей степени властно.

Потому слова порой – уничтожают... Потому они – превозносятся до небес и прославляют... Потому – без слов, так или иначе, ничто в человеческой жизни не обходится.

* * *

Однажды я встретил в одном литературном журнале любопытный текст о поэзии.

В нем говорилось, в частности, что в знаменитом стихотворении Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» и в не менее известном и любимом в России ныне стихотворении Есенина «Ты жива еще, моя старушка...», на самом деле, нет ничего особенного и удивительного – ни в плане особой глубины мысли, ни в плане особой яркости художественных образов.

И далее автор этого текста доказывал свою мысль, что в этих гениальных стихах великих поэтов все дело – в особой расстановке слов... Да, просто в том дело, по его утверждению, что слова в этих стихотворениях по-особому расставлены их гениальными авторами. Вот и все.

Вывод, конечно, неубедительный и весьма спорный. Но, так сказать, «рядом с истиной» автор этого текста все-таки оказался. Даже, может быть, и против своей собственной воли.

Дело в том, что и стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», и стихотворение Есенина «Ты жива еще, моя старушка...» заряжены удивительной по силе энергией глубокого и светлого чувства. Просто удивительной энергией живого и завораживающего чувства! Это видит любой современный читатель. И именно это читателя и гипнотизирует, околдовывает и покоряет.

Вот в чем все дело. А не в глубине мысли в этих стихотворениях и не в необычности и яркости присутствующих в них художественных образов самих по себе. И не в некоей особой расстановке слов в этих стихотворениях, конечно.

Как именно достигли авторы этих поэтических шедевров того, что сумели воплотить в своих стихах поразительную и колдовскую по своей силе энергию живого чувства – мы не знаем. Это их тайна. И, если угодно, «тайна за семью печатями». Потому что – Поэзия, настоящая большая Поэзия есть Таинство, которое далеко не равно «сумме художественных приемов» и отнюдь не измеряется каким-то особым актерским искусством владения словом.

Настоящая Поэзия имеет дело с живыми энергетическими Сущностями человеческих стремлений и чувств.

В известной мере это относится и к настоящей большой литературе вообще.

Так, Достоевский в романе «Бесы» действительно изобразил бесов.

Не русских фанатиков-революционеров определенной исторической эпохи, а бесов... Самых настоящих бесов, вечно живущих в этом мире, принимающих в нем, как известно, самые разные обличья.

Так же и Гоголь – бесов изображал в тех же «Мертвых душах», а не русских провинциальных помещиков середины XIX века.

Бесы вечны.

И потому неудивительно, что Бердяев в гениально прозорливой брошюре «Духи русской революции», стремясь осмыслить «суть» большевистской революции 1917 года, назвал гоголевских Собакевичей, Коробочек и Ноздревых – духами русской революции 1917 года.

Хотя что эти помещики давнего прошлого могли знать о большевиках и их революционном перевороте 1917 года? – Ничего.

Если руководствоваться обычным здравым смыслом.

Но по сути и в глубоком духовном смысле – прав был Бердяев...

Гоголь действительно видел бесов. Имел он этот мрачный дар видеть их темный и зловещий мир. И сам его боялся. В этом и коренятся истоки душевной драмы Гоголя – ясновидца страшного и уродливого мира бесов и близких им духов и сил тьмы.

* * *

Надо сказать, что мы вообще все-таки так и не знаем, что же представляет собой объективная видимая и материально осязаемая реальность нашей жизни.

Вероятно, эта совершенно объективная реальность мира вокруг нас, в котором мы биологически «прописаны», действительно существует.

Естественные науки это убедительно и неопровержимо доказывают.

Но в нашем сознании эта объективная материальная реальность обычно так удивительно видоизменяется, что в ней уже остается очень мало действительно объективного, и правят, властвуют – наши собственные фантазии и грезы.

Мы живем воистину в нами самими выдуманном мире.

Вместе с тем, помимо грез и фантазий, очень

многое решает в нашем восприятии мира Энергия чувств и мыслей. Только энергетически заряженные идеи и чувства – побеждают.

Только те творцы, поэты и писатели,демиурги Слова, которые сумели наделить свои творения величайшей энергией мысли и чувства, – становятся великими.

Энергия – основа и сущность всего мироздания.

В XXI веке это наконец стало самоочевидным.

И в человеческом обществе Энергия Слова – изначальна и неуничтожима. Ибо сказано – в начале было Слово.

Однажды мне довелось читать в печати рассуждения и наставления одного некогда известного священнослужителя о чудесах. Об их природе, о том, нужны ли они людям, и о том, почему их вроде как и нет в наше время, в отличие от времен Христа и первых веков существования христианства.

Рассуждения эти сводились к двум пунктам. Во-первых, к тому, что все или очень многое в жизни на самом деле – чудо. Это и цветение растений, шум листвы в лесу, шелест трав в поле, сияние солнца в небе. И, во-вторых, к тому, что ныне – не время чудес. Что чудеса, мол, были нужны только в первые века существования Христианства – для укрепления веры в Господа. Сверхъестественные чудеса. Те, которые не укладываются в научно обоснованные представления о физической природе мира.

Рассуждения эти – благостны и даже привлекательны морально. Но при этом все-таки лукавы.

Человек всегда тянулся к чудесному. И всегда

чудесное вносило свет, красоту и радость в его жизнь.

Что же человек понимал под чудесным? – То, что не укладывается в обыденные представления о жизни и является при этом светлым и радостным, вносит в жизнь неизъяснимую красоту и счастье.

И чудесного люди традиционно искали ранее на путях религии и веры в Бога.

Сейчас времена изменились. Прежняя вера в божественные по своей природе чудеса поблекла. Многие из них разоблачила наука как вымысел. Многие оказались легендами и имеют истоки в наивном мифотворчестве прежних времен. Но тяга человека у чудесному не иссякла и не исчезла – она лишь переместилась от религии к искусству.

Суть искусства, суть той же Поэзии, например, – создание чудесного. Именно чудесного. Не безусловно правильного, непогрешимого, с точки зрения науки и здравого смысла, или равным образом, например, с точки зрения нравственности. А Чудесного! Чудесного с большой буквы.

Ну вот написал Пушкин однажды чудесное вдохновенное стихотворение «Я помню чудное мгновенье...».

То, что оно – чудесное... с этим никто не спорит. Но пытаются уже более сотни лет выяснить и «расшифровать» предполагаемую природу чудесного в знаменитом пушкинском шедевре... И – тщетно, конечно.

То пишут, что никаких прозрений в этом стихотворении на самом деле и нет. Так почему же оно тогда чудесное?

То начинают усердно исследовать жизнь и нравственные достоинства предполагаемого «адресата» этого стихотворения (Анны Петровны Керн) и приходят к выводам, часто неутешительным даже по меркам много более свободной все-таки морали нашего времени, что, мол, высоконравственной девицей Анна Керн в молодости отнюдь не была. И спала, при случае, с кем попало. Например, с Пушкиным.

Какой срам, конечно... Посвятить такой девице чудесные стихи. Шедевр любовной лирики! И тем более чудесное в ней самой увидеть! Это последнее – вообще недопустимо. Даже по нынешним «свободным» нормам любовной жизни.

И начинается вымысел в благих целях – что Пушкин, мол, вовсе не Анне Керн посвятил это стихотворение, а ей просто случайно его передал, когда к ней «просто так» заехал в Тригорское от «нечего делать»...

И прочая чушь в ходу у нынешних официальных литературоведов.

Но дело-то ведь в том, что Поэзия, настоящая Поэзия с большой буквы, видит чудесное в обыденном. И потому созидает чудо! Часто из самого обычного и «невзрачного» материала. Казалось бы, «из ничего».

Вот летят осенью журавли на юг... Обычные птицы нашей страны. Они совершают свой ежегодный перелет в теплые края осенью.

И в былом СССР поет Марк Бернес:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...*

И советских людей эти простые слова берут за душу и как бы околдовывают – как чудо. Потому что чудесное в них есть и на самом деле. Причем чудесное в истинном смысле. И не только советских людей магически заколдовывали эти слова старой славной песни – колдовство этих слов (духовное и эстетическое, и нравственное) живо и сейчас.

Чудесным человек именует то, что приносит ему наслаждение и счастье и при этом рационально необъяснимо.

Ну что это такое – какие-то простые слова: «Я помню чудное мгновенье», обращенные, как говорят факты, при этом к девушке достаточно легкого поведения. Какой скандал, если разобраться!

Но при этом с таким кажущимся «скандалом», который очень часто порождает настоящее искусство, «разобраться» не могут уже полтора столетия – в чем его эстетическое (и только ли эстетическое?) колдовство.

Что нашел великий Пушкин в девице Анне Керн, чья нравственность под вопросом. И тому подобное...

Однако оставим Пушкина.

Смешно мучить вопросами о нравственности нашего великого Поэта, примерного семьянина в зрелые годы... Но ведь и скандально прославившийся русский эмигрант Набоков свою замечательную «Лолиту» создал в свое время на «пустом месте», если следовать фактам его биографии.

Никакой такой девочки двенадцати лет у Набокова никогда не было – он ее выдумал. А были у писателя законная жена и сын. Ну, один бурный роман случился у него с некой поэтессой из

России в годы жизни в Европе. Роман, за который его супруга еврейского происхождения чуть было с ним не разошлась. Тем не менее эротический вымысел Набокова в «Лолите» чертами чудесного явно наделен. Это в наше время, после хотя бы тех же многочисленных экранизаций набоковской «Лолиты» в разных странах, отрицать не приходится. И в то же время и близко нет в «Лолите» Набокова никакой нравственности.

Как в Африке на равнине никогда снега не бывает, например. И как на Северном полюсе цветы на открытом воздухе не растут. Так нет никаких признаков официально уважаемой современным обществом «нравственности» и в «Лолите» Набокова.

Хотя что есть истинная нравственность на самом деле? По своей непреходящей сути, например? Нам и самим не по вкусу любовь взрослых мужчин к юным девочкам. Это аномалия, конечно. Но неизъяснимым образом удалось найти Набокову в этой любви притягательность и красоту... Даже трагизм, даже возвышенное и духовно высокое.

Как это получилось? – Никто не знает.

Чудо искусства. Чудо поэзии жизни, которую искусство воплощает своим существованием.

И если мы искусство осудим... Даже за предполагаемую безнравственность, например, – мы осудим чудесное в нашей жизни на смерть и небытие.

И потом выяснится, через очень много долгих

лет, что все наши нынешние так называемые «нормы нравственности» – вот они-то и есть вымысел. Настоящий и пагубный, лишаящий жизнь красоты и счастья.

А вовсе не то, что вызывает вопросы и недоумение у нынешних усердных историков литературы – вот как это, «нравственно неустойчиво», посвящал Пушкин деве «сомнительного поведения» чудесные, непревзойденные по красоте стихи, даже если она таковой и была на самом деле, создав замечательный шедевр русской любовной лирики.

Сергей Николаевич НОСОВ

родился в Ленинграде в 1956 году.

Историк, филолог, литературный критик,

эссеист и поэт.

Доктор филологических наук и кандидат исторических наук.

С 1982 по 2013 год являлся ведущим сотрудником

Пушкинского Дома (Институт русской литературы)

Российской Академии наук.

Автор большого числа работ по истории русской литературы.

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

